
ВЛАСТЬ И СМИ В «БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКЕ» РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1993—1999 ГГ.: ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А.Ю. Рыжова-Поволоцкая

Факультет истории, политологии и права
Российский государственный гуманитарный университет
Миусская площадь, 6, ГСП-3, Москва, Россия, 125993

Статья посвящена проблеме взаимодействия власти и СМИ в самый сложный период политической и социально-экономической модернизации постсоветской России. Исходя из посылки, что в кризисных условиях руководство РФ объективно было вынуждено делать ставку на активное использование информационного ресурса и сотрудничество с медиа-сообществом, автор рассматривает эволюцию роли средств массовой информации в процессе обеспечения стабильности власти в России второй половины 1990-х гг.

Ключевые слова: информационный ресурс власти, парламентские выборы, Государственная Дума, «партия власти», политические партии, «демократический транзит», масс-медиа, информационные войны.

В 1993—1999 гг., в условиях системного политического и социально-экономического кризиса, сопровождавшегося активным давлением оппозиции, демократическому политическому режиму во многом удалось сохранить свои властные полномочия и реализовать реформаторский курс лишь благодаря активному и эффективному использованию информационного ресурса. Действительно, после событий 1991 г. «команде» Б. Ельцина удалось сконцентрировать в своих руках максимальный контроль над средствами массовой информации, прежде всего электронными, и взять под контроль основные информационные потоки. Тем не менее, даже обладание тотальным информационным ресурсом не является гарантией «выживания» власти в ситуации политической «турбулентности». Во многом эффективность использования данного ресурса зависит от лояльности масс-медиа по отношению к власти. Так, например, обладая колоссальным информационным и агитационно-пропагандистским потенциалом, КПСС не смогла им адекватно распорядиться на рубеже 1980—1990-х гг. во многом в силу внутреннего сопротивления журналистского сообщества.

Поэтому после прихода к власти в Российской Федерации Б. Ельцина остро встал вопрос относительно политической позиции СМИ о том, насколько ими будет поддержан курс радикальных политических и экономических реформ.

Необходимо признать, что медиа-сообщество, по крайней мере, до 2000 г., в своем большинстве вполне «искренне» находилось на стороне власти и полностью поддерживало курс Б. Ельцина на вытеснение из информационного поля «красно-коричневых». Такое взаимопонимание власти и СМИ уходит корнями в самое начало 1990-х гг. Как известно, одной из базовых позиций перестройки М. Горбачева было достижение гласности, которая трактовалась, преимущественно, как отсутствие ограничений и цензуры за деятельностью СМИ, а также сво-

бода критики существующей на тот момент советской системы. «Новые коммунисты» во главе с А.Н. Яковлевым с согласия М. Горбачева стимулировали такой «огонь по штабам» с целью дискредитации «ретроградов» и «бюрократов» из числа «консервативного» крыла КПСС. То есть в этом отношении интересы значительной части политической элиты и масс-медиа, «по определению» стремившихся к свободе слова, совпали. С точки зрения «негативного» понимания свободы именно как отсутствия *любых* барьеров на подачу *любой* информации период перестройки стал «золотым веком гласности» — временем журнального и газетного бума, когда пресса пользовалась огромной популярностью и авторитетом. И именно она во многом сумела демонтировать советскую систему через информационную дезавуацию партийно-советской номенклатуры — «главной социальной силы механизма торможения» [5. С. 13].

Именно тогда возникает парадоксальная, но очень характерная для того времени ситуация, когда СМИ превращаются из «вершителей воли КПСС» в самостоятельную силу — «четвертую власть» — и начинают критиковать «руководство», которое их финансировало, но не могло ими эффективно управлять. Одновременно средства массовой информации получают свободу хозяйственной деятельности. Если брать пример телевидения, то начало подобных перемен там связано с указом Михаила Горбачева (июль 1990 г.), в соответствии с которым Гостелерадио и Министерство связи СССР получили право предоставлять эфирное время частным вещателям. Государственная монополия на вещание прекратила существование, и довольно быстро возникли новые телевещательные компании — правда, не общенациональные с точки зрения охвата населения.

Особо стоит отметить, что на тот момент у РСФСР не было своего собственного телеканала, а в условиях конкуренции на реформаторском фланге между «умеренным» М. Горбачевым и «радикальным» Б. Ельциным последний был фактически лишен информационной поддержки. Поэтому создание собственных электронных СМИ стало для него одной из приоритетных задач. Еще в июне 1990 г., в пору острого конфликта между союзными и российскими властями, было принято решение учредить Всероссийскую государственную телевизионную и радиовещательную корпорацию (ВГТРК). Причем первый эфир состоялся в мае 1991 г., как раз за месяц до выборов первого президента РФ. После утверждения Б. Ельцина в качестве главы РФ и особенно после поражения ГКЧП в августе 1991 г. «на правах победителя» новая российская власть революционным путем переподчинила себе союзные электронные СМИ. Уже 21 августа Б. Ельцин издал указ «О средствах массовой информации в РСФСР», в соответствии с которым Гостелерадио СССР перешло в ведение правительства России, а ВГТРК получила право на вещание на втором общесоюзном канале. Затем рядом правительственных и президентских нормативных актов «наследство» Гостелерадио поделили между ВГТРК и вновь образованные государственные телерадиокорпорации «Останкино», «Петербург» и «Москва». Причем на тот момент журналистские коллективы получили права их соучредителей [6. Ст. 252, 339]. Более того, демократическая власть на первых порах предоставляла журналистскому сообществу многие другие бонусы и привилегии. В частности, в начале 1990-х гг.

резко выросли доходы не только руководителей СМИ, но и большинства их сотрудников (особенно «топ-журналистов»). В свою очередь, медиа-корпорации, в том числе активно возникавшие в то время «независимые» СМИ, в своем большинстве активно поддерживала реформаторский либеральный курс «команды» Ельцина. Помимо финансовых мотивов здесь определяющими были также мировоззренческие предпочтения, поскольку спецификой данной субкультуры является ярко выраженное стремление к свободе, демократии и отсутствию цензуры. В этом плане реформаторы были гораздо ближе медиа-сообществу, чем «консерваторы», выступавшие за контроль над содержанием и политической позицией СМИ. Иногда такая безоговорочная поддержка демократической власти приобретала форму прямого давления на «инакомыслящих». Как вспоминал Юрий Вдовин, некоторое время руководивший службой развития Шестого канала, а затем работавший экспертом Фонда защиты гласности и сопредседателем «Гражданского контроля», однажды в его присутствии Белла Куркова, которой министр связи незадолго до этого эпизода *выдал* еще одну частоту — 27-й канал, сказала директору попечительского совета Би-би-си: «Пятый канал Санкт-Петербург» очень независимая телерадиовещательная компания, мы никому не позволим критиковать президента» [1. С. 55]. Как считает С.Е. Кургинян, «демократов привели к власти средства массовой информации, привели за счет создания новых культурных кодов и разрушения старых» [3. С. 141].

1992—1993 гг. стали важным этапом в развитии отношений между властью и СМИ. Представление о том, какую роль последние должны играть в обществе, складывалось во многом под влиянием прошлого. Это была своего рода «компиляция», казалось бы, несовместимых элементов — советской модели, определявшей представления российских чиновников о роли СМИ, и либертарианской, которую пропагандировали представители масс-медиа. Власть по-прежнему не признавала автономности СМИ и полагала, что в стране отсутствует общественное мнение, артикулирующее интересы институционализированных социальных групп [7]. Она продолжала прямо или косвенно управлять масс-медиа, используя их для реализации собственных, зачастую весьма утилитарных интересов (в том числе в рамках электоральных кампаний).

Правда, новым фактором стало возросшее влияние средств массовой информации, в частности телевидения, на власть, с одной стороны, и рост их популярности у зрителей — с другой, особенно в начале ельцинского правления. Трудно даже сказать, кто больше — президент или медиа — нуждались в поддержке другой стороны. Либертарианская модель, которую отстаивали журналисты, предполагала наличие независимых от государства СМИ и отсутствие предварительной цензуры. Последнюю запретила Конституция РФ 1993 г., так что формально независимые СМИ функционировали в соответствии с либеральной традицией. Это не раз объявляли одним из основных достижений демократических преобразований. Однако в реальности дело обстояло иначе. «Мы живем в противоестественное время, — говорил в интервью «Журналисту» председатель Фонда защиты гласности Алексей Симонов. — Пресса на дотации, государство имеет четыре телеканала для собственной информации. О какой свободе печати и информации

может идти речь?.. С моей точки зрения, никакой настоящей свободы нет, а есть ожесточенная борьба власти за средства массовой информации, за радио и телевидение в первую очередь» [4. С. 18].

Поскольку либертарианское понимание свободы слова как «общественного договора» между тремя субъектами — СМИ, властью и обществом — в России начала 1990-х гг. отсутствовало, фактически сложился взаимовыгодный двусторонний альянс существующей власти с электронными СМИ. «Общественная» же составляющая оказалась на периферии. Соответственно, такой союз между исполнительной властью и СМИ не обеспечивал равноправного доступа к информационным каналам всем политическим силам, не способствовал отражению плюрализма мнений, существующего в обществе, и с неизбежностью должен был приводить к конфликтам.

Определенные изменения (хотя более «технологического», чем «идеологического» плана) произошли во взаимоотношениях власти со СМИ во второй половине 1990-х гг.

В этот период в медиа-сообществе начался процесс определенного переосмотра отношений с властью. Кризисная ситуация, падение рейтинга Б. Ельцина, «издержки демократии» заставляют СМИ несколько дистанцироваться от непопулярного режима. Прежде всего, это проявилось в резкой критике экономического курса и неэффективных действий правительства в ходе первой чеченской войны. Это был не только отчаянный рывок медиаэлиты в авангард общественных настроений, но и компенсаторная акция по отношению к власти.

Кроме того, осознав свою «ненужность» ни власти, ни народным массам, медиаэлиты практически полностью сосредоточилась на поиске путей к «безубыточному» производству. Однако при наличии огромных долгов, в условиях экономической нестабильности ее финансовое становление оказалось делом достаточно сложным. В любом случае необходимо было наличие первоначального капитала, а также последующих стабильных финансовых поступлений. В итоге финансовые трудности вынудили прессу перейти в лагерь «спонсоров» — «под крышу» бизнес-элиты.

В то время последняя стремилась стать самостоятельным политическим актором, однако государственная элита до определенного времени жестко контролировала каналы проникновения во власть. Тем не менее, накопив значительные ресурсы собственности, верхушка российских предпринимателей неоднократно пыталась «приобщиться» к процессу принятия государственных решений, в том числе за счет создания новых политических партий. Однако в результате отсутствия внутренней консолидации в кругах экономической элиты и негативных общественных стереотипов населения в отношении «новых русских» предпринимательские структуры на парламентских выборах в 1993 и 1995 гг. потерпели сокрушительное поражение [2. С. 46, 51]. Лишенные возможности участвовать в принятии политических решений, бизнес-элиты и СМИ объединились ради будущего реванша. Этот союз породил более позднее явление компенсаторного характера — «информационные войны» 1997—2000 гг.

Экономическая элита видела в СМИ важный ресурс, необходимый для борьбы за государственную собственность в ходе приватизации. С этой точки зрения

капиталовложения в создание собственных медиаимперий представлялись выгодными инвестициями в свое политическое и экономическое будущее, а журналисты получили определенный минимум благосостояния и финансовые средства для того, чтобы поддержать жизнеспособность своих убыточных изданий.

Одновременно, особенно после «проблемных» президентских выборов в июне 1996 г., власть опять ощутила потребность в поддержке СМИ. Государственно-политическая элита поняла (даже в каком-то смысле — поверила в могущество избирательных технологий), что в демократической системе, которая предполагает регулярное функционирование механизма альтернативных выборов, важно самой формировать собственный имидж и управлять им, причем в немалой степени это делается с помощью СМИ. Тогда же и проявилось активное стремление власти внедриться в систему медиа и контролировать ее. Вторичное «завоевание» СМИ протекало в виде двухуровневого процесса.

Во-первых, часть лидеров субъектов РФ в полной мере осознала, что их прочное положение у рычагов власти зависит не столько от желания федерального центра, который уже не в состоянии контролировать регионы, сколько от концентрации в их руках коммуникационных ресурсов. Самые дальновидные из них начали формирование региональных медиахолдингов, как, например, губернатор Свердловской области Э. Россель, который в преддверии очередных губернаторских выборов, состоявшихся в августе 1999 г., создал собственную медиаимперию. Стоит отметить, что в этом стремлении местная экономическая элита выступала серьезным соперником по отношению к региональным политическим лидерам. В той же Свердловской области медиаимперии Росселя противостояли еще два холдинга, которые принадлежали мэру Екатеринбурга А. Чернецкому и депутату Госдумы, уральскому бизнесмену Е. Зяблицеву [8].

Во-вторых, государство также начало выстраивать свою систему информационных ресурсов. Примерно с середины 1996 г. по инициативе А. Чубайса предпринимается попытка консолидации управления государственными медиаресурсами и формирования единого информационного пространства страны. Эту же линию продолжили правительства С. Кириенко и Е. Примакова. Впоследствии В. Путин принял активные меры по ее реализации в целях построения «властной вертикали» в стране. Создание единого информационного пространства мотивировалось необходимостью обеспечить каждого гражданина максимально полным спектром фактов и мнений, существующих в обществе. При этом авторы данной идеи всячески пытались доказать, что роль государственных органов в формировании единого информационного пространства будет сводиться лишь к созданию условий для нормального функционирования свободной прессы и контролю за соблюдением нормативно-правовой базы о СМИ [9].

При этом необходимо отметить, что информационные войны конца 1990-х гг. во многом скомпрометировали «независимые» СМИ и создали предпосылки для их «поглощения» властью. С одной стороны, возникновение информационных войн было обусловлено объективными причинами: развитием новых информационных технологий и становлением в России демократической политической сис-

темы. С другой — неспособность бизнес-элиты создать политические партии в качестве эффективного инструмента лоббирования вынудила «олигархическую» верхушку использовать информационное оружие в борьбе за свои корпоративные интересы. В итоге на информационном поле столкнулись три силы, которые, отстаивая собственные интересы, воздействовали на общественное мнение. На каждом уровне Российской Федерации велась жесткая борьба политической и бизнес-элиты за распределение государственных ресурсов, вылившаяся в открытое противостояние на уровне масс-медиа. В свою очередь, развивался ценностный конфликт между СМИ и властью, в котором первые пытались взять реванш за прошлые «поражения» и упрочить свое положение как истинного выразителя «гласа народа».

В итоге с 1997 г. медиа-холдинги начинают агрессивные информационные «поединки», концентрируя удар как на конкурирующих группах, так и на власти. С этого времени российские СМИ становятся инструментом защиты интересов своих владельцев и средством компрометации их противников. Таким образом, медиа-элита вторично потеряла свою свободу. Постепенно она осознала, что СМИ нужны новым хозяевам лишь в качестве «информационного оружия» в борьбе за передел собственности и власти. Вот тогда и начинается ощущаться готовность СМИ помочь государству «наказать» несистемных «олигархов». Так, например, в дальнейшем это предопределило их относительную лояльность власти во время вытеснения из политики и экономики структур Б. Березовского и В. Гусинского.

И именно с этого времени начинается отсчет нового периода взаимодействия СМИ с руководством РФ. «Моральный компромисс» медиа-сообщества в 1990-е гг. привел к тому, что в 2000-е «команде» В. Путина удалось достаточно легко встроить его в единую «вертикаль власти», тем самым консолидировав информационный ресурс под своим контролем.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вдовин Ю.* Законодательное обеспечение свободы слова // Свобода слова и средства массовой информации: Сборник материалов семинара Московской Хельсинкской группы «Права человека». — 5—7 февраля 1994 г. — М., 1994.
- [2] *Зудин А.Ю.* Олигархия как политическая проблема российского посткоммунизма // Общественные науки и современность. — 1999. — № 1.
- [3] *Кургинян С.Е.* «Седьмой сценарий». В 2 ч. — М., 1992. — Ч. 2.
- [4] *Симонов А.* Лики цензуры // Журналист. — 1993. — № 6.
- [5] *Согрин В.* Политическая история современной России 1985—1994: от Горбачева до Ельцина. — М., 1994.
- [6] Указы Президента РФ № 44, 47 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 5—6.
- [7] *Винокуров Г.* В окопах «информационной войны» // Русский журнал. — 10 апр. 1998. http://www.russ.ru/%20journal/%20ist_sovr/%2098-04-10/%20vinokr.htm
- [8] *Карасюк Е.* Объединяй и властвуй: Холдингomanия на Среднем Урале // www.compromat.ru
- [9] Руководство Уральского федерального округа и журналисты сделали первый шаг к созданию единого информационного пространства // Документ доступен в электронном виде на сайте www.pressclub.ru

**AUTHORITIES AND THE MEDIA IN THE «POLITICS»
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 1993—1999:
THE TRANSFORMATION OF MODELS OF INTERACTION**

A. Y. Ryzhova-Povolotskaya

The Faculty of History, Political Science and Law
Russian State Humanitarian University
Miusskaya Square, 6, GSP-3, Moscow, Russia, 125993

The article deals with the cooperation between the authorities and mass-media in the most complicated period of the political and socioeconomic development of the post-Soviet Russia. Reasoning from the message that in contexts of crisis Russian authorities had to place their stake on the information resources and active cooperation with media community, the author reviews the evolution of mass-media role in the process of providing the Russian governmental bodies' stability in the other half of 1990th.

Key words: informational resource of power, parliamentary elections, the State Duma, «the party of power», political parties, democratic «transit», mass-media, informational wars.